

„НЕПРОЧИТАННЫЯ“ ДУШИ.

(Изъ дѣйствительной жизни).

«Откройте ваше сердце сердцу солдата,
и его сердце откроется навстрѣчу вашему».

М. Драгомировъ.

І. Францъ Вуйцигъ.

Францъ Вуйцигъ принадлежалъ къ числу тѣхъ солдатъ въ ротѣ, которые ни по наружности, ни по умственному складу, ни по способностямъ не числились въ спискѣ выдающихся и были въ ротѣ незамѣтными людьми. Однако, взводный 4-го взвода, въ которомъ состоялъ Вуйцигъ, сказалъ какъ-то фельдфебелю Ивану Марковичу:

«Ежели нужно, такъ я могу Вуйцика назначить, г. подпрапорщикъ: онъ солдатъ хороший и, что называется, безъ сумлѣнія», на что старый фельдфебель отвѣчалъ:

— Ну, гдѣ ужъ тамъ твоему Вуйцику справиться; пусть на уборкѣ остается.

Между уборкой и карауломъ, между обычными занятіями и возней въ собственномъ сундучкѣ проходили дни жизни Вуйцика въ ротѣ. Небольшого роста, худой и болѣзненный, уроженецъ Кѣлецкой губерніи, гдѣ жила въ большой нуждѣ его семья, Вуйцикъ носилъ на своемъ грустномъ, усталомъ лицѣ всѣ признаки трудовой жизни, недоѣданія, тяжелой работы и терпѣнія. Изъ разспросовъ, записанныхъ въ «свѣдѣніе о новобранцахъ», видно было, что Вуйцикъ прибылъ на члужбу изъ-за границы, гдѣ работалъ на каменноугольныхъ копяхъ, получая въ день полторы марки и помогая роднымъ. Домашняя обстановка Вуйцика была вполне безотрадная: 70-ти-лѣтній, совершенно слѣпой, старикъ отецъ; мать, страдавшая много лѣтъ ревматизмомъ, обратившаяся почти въ калѣку; оставались три сестры, которыя кормили и одѣвали семью и поддерживали хозяйство обработкой маленькаго огорода и кропотливымъ, плохо оплачиваемымъ кустарнымъ трудомъ. Такимъ образомъ, Вуйцикъ являлся опорой семьи, мужчиной въ домѣ, на которомъ лежало бремя добыванія жизненныхъ средствъ; старшій братъ его, Казиміръ, умеръ три года тому назадъ на Домбровскихъ шахтахъ, гдѣ его придавила груженная клѣтка, за что семья получила 100 рублей пособія.

Такова была обстановка Вуйцика дома, когда однажды осеннимъ вечеромъ ему принесли повѣстку гминнаго управленія, а на другой день старый войтъ сказалъ наставительно: *Bodz sumiennym, pamiętaj o Matce Boskiej i wszystko będzie doboze*—(Будь честнымъ, помни Матерь Божію и все будетъ хорошо).

Пройдя всѣ мытарства явки и приѣма, простившись съ рыдающей семьей и совершивъ переѣздъ въ вагонѣ «40 человекъ 8 лошадей», Вуйцикъ въ числѣ многихъ товарищей дождливымъ, холоднымъ ноябрьскимъ утромъ прибылъ на громадный казарменный дворъ N полка, гдѣ уже шла разбивка новобранцевъ, пріѣхавшихъ ночью.

Въ старенькомъ сѣромъ, клѣтчатымъ пиджакѣ и такихъ же брюкахъ, въ рваныхъ зашнурованныхъ штиблетахъ и войлочной шляпѣ, съ маленькимъ сундучкомъ въ рукахъ, онъ терпѣливо ожидалъ своей очереди, пожимаясь отъ пронизывающаго холода, переминаясь съ ноги на ногу и спасаясь отъ дождя поднятымъ воротничкомъ своего жалкаго костюма.

Часъ спустя, послышалась громкая команда: — Кѣлецкіе, на правый флангъ! и Вуйцикъ пошелъ со всею толпой прибывшихъ, подталкиваемый рослымъ унтеръ-офицеромъ, который разставлялъ

новобранцевъ по ранжиру. Еще через полчаса къ Вуйцику приблизилась группа офицеровъ, которая медленно подвигалась вдоль фронта, пытливо вглядываясь въ лица новобранцевъ. Впереди шель высокій, въ очкахъ, командиръ полка съ мѣломъ въ рукахъ, за нимъ адъютантъ съ папкой и списками, далѣе—баталіонные, ротные командиры. Командиръ остановился передъ Вуйцкомъ, пристально посмотрѣлъ ему въ глаза и спросилъ: грамотный?

Вуйчикъ поднялъ свои длинныя рѣсницы, грустно-грустно посмотрѣлъ на командира и, не разгибая смерзнувшей спины, тихо отвѣтилъ: по-польску грамотный, а по-русску не...

«Чѣмъ дома занимался?» послѣдовалъ дальше вопросъ командира.

— На шахтѣ работалъ...

«Мастерство какое-нибудь знаешь?»

— Ни, не розумлю...

Рука командира поднялась и на отворотѣ своего пиджачка Вуйчикъ увидѣлъ написанное мѣломъ: «11».

«Въ 11-ю роту», сказалъ командиръ и подошелъ къ слѣдующему. Въ ту же минуту Вуйчикъ почувствовалъ, какъ сзади его кто-то потянулъ за полу и оглянувшись онъ увидѣлъ лицо своего будущаго фельдфебеля, который, какъ и его коллеги, группировалъ около себя своихъ новобранцевъ.

Подходило обѣденное время. Вуйчикъ это отлично зналъ, потому что дорогой онъ съѣлъ послѣднюю булку еще съ вечера наканунѣ; его товарищи, не большіе богачи, чѣмъ онъ самъ, также съ нетерпѣніемъ ожидали какой-нибудь пищи, и запахъ ея въ казармѣ, куда привели новобранцевъ послѣ разбивки, очень раздражалъ ихъ аппетитъ. Скоро Вуйчика позвали въ ротную канцелярію, гдѣ офицеръ осмотрѣлъ его сундучекъ, записалъ разныя свѣдѣнія и приказалъ постричься. Не прошло и часа, какъ гладко выстриженный, переодѣтый въ большую неуклюжую рубаху, Вуйчикъ сидѣлъ передъ миской горячаго борща и жадно удовлетворялъ голодь. Тутъ же находился его будущій взводный, который нравоучительнымъ тономъ спокойно и съ достоинствомъ приговаривалъ, прохаживаясь:

— Не копайся долго... пойдемъ по койкамъ—розберись, а потомъ пойдемъ въ баню... а завтра медицинскій осмотръ... кто чѣмъ боленъ говори, можетъ, у кого заразная какая хворость, такъ говори... У насъ въ ротѣ хорошо... стрѣляемъ отлично... опять же и порядокъ... а кому оправиться, такъ, выходи во дворъ и что бѣ

аккуратно, а то за это взыскиваютъ... Вечеромъ, чтобы обязательно письма написали домой, а кто неграмотный товаришша попроси, а у кого марки нѣтъ—скажи, я доложу... у насъ на все порядокъ... Курить нельзя въ ротѣ, потому духъ не хорошій, сорить тоже, вотъ... бѣлье грязное въ банѣ помоешь, а въ сундучкѣ нельзя грязнаго держать... книжки у кого есть, ротному надо на подпись, въ порядкѣ чтобы...

Такъ водворился Францъ Вуйцикъ въ ротѣ, т. е. пока, собственно говоря, на койкѣ у печки, а затѣмъ потекла его жизнь, поставленная въ рамки «нельзя» и «можно» и полная новыхъ, разнообразныхъ впечатлѣній. Былъ ли онъ по натурѣ скромнымъ и боязливымъ или первья, услышанныя имъ въ новой жизни, слова взводнаго крѣпко запали ему въ душу, но Вуйцикъ былъ удивительно аккуратнымъ и исполнительнымъ солдатомъ, пунктуально слѣдилъ за собой, былъ буквально педантомъ по отношенію къ своему сундучку, постели, одеждѣ, выполненію возлагаемыхъ работъ и обязанностей и, соединяя всѣ эти качества съ почтительностью и послушаніемъ, былъ на отличномъ счету у своего взводнаго.

Фельдфебель мало замѣчалъ Вуйцика, а ротному командиру онъ представлялся только мѣстомъ въ рубрикѣ «на лицо», номеромъ въ ряду двухъ шеренгъ или уборщикомъ, копошавшимся въ углу ротнаго двора. Въ усвоеніи солдатской науки Вуйцикъ преуспѣвалъ настолько, насколько позволяли ему плохое пониманіе русскаго языка, безграмотность и ограниченный кругъ общихъ понятій. Тѣмъ не менѣе младшій офицеръ 11-й роты докладывалъ о Вуйцикѣ, какъ о хорошемъ солдатѣ, изъ котораго «будетъ толкъ». А Вуйцикъ, все такой же грустный и молчаливый, со скорбнымъ выраженіемъ добрыхъ задумчивыхъ глазъ, думалъ свои сокровенныя думы и, окончивъ работу или послѣ занятій, сосредоточенно углублялся въ нѣдра своего сундучка, перекладывалъ въ немъ свой неприхотливый скарбъ и перечитывалъ старыя письма, рѣдко получавшіяся съ родины. Иногда—это чаще бывало по праздникамъ—онъ вынималъ маленькую книжечку въ футлярѣ съ надписью на немъ на польскомъ языкѣ «до Богу» и углублялся въ нее, низко пригнувшись за койкой. Въ числѣ отправляемыхъ по воскресеньямъ въ мѣстный костелъ католиковъ-солдатъ Вуйцикъ всегда бывалъ «желающимъ» въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Съ блестящими, начищенными пуговицами и бляхой, аккуратно одѣтый, плотно «заправленный» въ поясъ, умытый и выбритый, онъ пред-

ставлялъ собой образецъ чистоплотности и воинскаго приличія, такъ что даже Иванъ Марковичъ, обходя однажды фронтъ отправляемой команды, сказалъ снисходительно:

— А Вуйцикъ-то нашъ—героемъ! Ну, ну, старайся...

Изъ костела во время богослуженія Вуйцикъ никогда не выходилъ на улицу и не толпился съ товарищами, которые, собираясь на тротуаръ, глазѣли на проходящую публику, курили и съ любопытствомъ провожали пробѣгавшіе вагоны трамвая. Возвратившись въ роту, Вуйцикъ никогда не «расходился» изъ строя, до приѣма команды дежурнымъ, а раздѣвшись, доставалъ висѣвшій у него на груди зашитый въ лиловую бархатку «скаплишъ», цѣловалъ его и крестился.

День за днемъ, недѣля за недѣлей и черезъ 2—2½ мѣсяца сторбленнаго, сморщеннаго, полуголоднаго, полубольнаго кѣлецкаго рудокопа нельзя было узнать. Вуйцикъ уже познакомился со всѣми порядками въ ротѣ, узналъ, что такое «ровная мушка» и какія неудобства представляетъ «деривація», умѣлъ дѣлать «переднюю» и «заднюю» «скленку» на параллельныхъ брусяхъ, отлично «бралъ» кобылу и три барьера, отчетливо понималъ обязанности дневальнаго и свободно различалъ полнаго генерала отъ остальныхъ; при этомъ являлъ примѣръ усердія, правдивости, послушанія, былъ любимъ товарищами и этими качествами все чаще и чаще обращалъ на себя вниманіе ротнаго начальства. Но все та же тоска, какая-то боль души, безысходная грусть, печать какого-то горя лежала на его лицѣ, нисколько не повеселѣвшемъ.

Учитель Вуйцика, ефрейторъ Рудзинскій, мало интересовался настроеніемъ своего ученика, ограничивая свои заботы чисто внѣшними требованіями чистоты, порядка, указаніями на мелкія неисправности и ревностнымъ обученіемъ того, что ему было поручено и что потомъ—онъ это зналъ—проходило черезъ строгій контроль взводнаго и фельдфебеля. Взводный, старшій унтеръ-офицеръ Ледневъ, отличный стрѣлокъ и служака, очень строгій къ себѣ и подчиненнымъ, «соблюдалъ» свой взводъ, держалъ его въ ежовыхъ рукавицахъ, толково и сноровисто его обучалъ, ревниво относился къ репутации своего взвода, но въ педагогическихъ приѣмахъ былъ неглубокъ и на скорбь, написанную на лицѣ Вуйцика, реагировалъ лишь постольку, поскольку печальная физиономія послѣдняго могла портить впечатлѣніе строя.

— Гляди веселѣй! Чего насупился, точно три дня не ѣлъ! Начальство не любитъ этого... у насъ чтобы весело было... чего тебя, какая кручина взяла, что ли?

А кручина была, но Вуйцикъ ни съ кѣмъ не дѣлился ею, а извнѣ никто ею не былъ озабоченъ.

Прошелъ еще мѣсяць. Въ воздухѣ уже пахивало приближеніемъ весны, на рѣкѣ сталь уже поламываться ледъ, дни стали длиннѣе и свѣтлѣе, обученіе молодыхъ приняло уже характеръ быстрой нервной подготовки къ смотру, который ожидался въ половинѣ марта. Вуйцикъ уже окончательно окрѣпъ въ ротѣ, полюбилъ гимнастику, съ руки попадалъ въ головную изъ пяти четыре, отчетливо дѣлалъ ружейные приемы и твердо зналъ, что «съ раненыхъ надо забирать патроны, держать съ сосѣдями связь и ни подъ какимъ предлогомъ не оставлять своего мѣста въ цѣпи». Но отъ всего этого Вуйцикъ всетаки не сталь веселѣе. Рѣдкія письма, которыя приносилъ вечеромъ дежурный по ротѣ, написанныя польски, никогда не бывали предметомъ чьего-либо вниманія, и только ближайшіе по койкѣ земляки Вуйцика кое-что лишь узнавали отъ него по части погоды въ родной губерніи, видовъ на предстоящій урожай, предположеній о заработкахъ на весну и т. п. Но домашняя жизнь и интимная, такъ сказать, ея сторона оставалась нѣмою для окружающихъ и говорила только неразгаданной печалью въ глазахъ Вуйцика.

Однажды только—это было уже какъ-то на маневрахъ, на дневкѣ,—когда теплымъ, тихимъ вечеромъ на сельской площади играла музыка, и шла лихая солдатская пляска, сопровождаемая прибаутками и веселымъ визгомъ крестьянскихъ дѣвушекъ,—ротный командиръ Вуйцика, взявшій его на лагерное время вѣстовымъ, сидя безъ кителя подъ деревомъ, священнодѣйствовалъ у походнаго самоварчика и сказала Вуйцику: а ты что-жъ, на музыку?—послѣдній отвѣтилъ:

— Никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе... и слегка улыбнулся. Эта улыбка, впервые появившаяся на лицѣ Вуйцика, казалась скорѣе гримасой, отдаленнымъ намекомъ на улыбку, чѣмъ-то случайно пробѣжавшимъ по его губамъ и глазамъ, и затѣмъ эти губы снова сжались плотно, а глаза приняли прежнее выраженіе озабоченности, скорби и грусти. Но ротный командиръ, которому въ эти благодушныя минуты отдыха нуженъ былъ собесѣдникъ, не отсталъ отъ Вуйцика и на его «никакъ нѣтъ» снова заговорилъ:

«Что-жъ такъ? А то пошелъ бы... тамъ земляки, танцуютъ, навѣрное дѣвушки тамъ, весело, пошелъ бы?»

— Не, Ваше Высокоблагородіе... не гоже мнѣ... застѣнчиво отвѣчалъ Вуйцикъ, и лицо его приняло конфузливый оттѣнокъ. Но ротный не унимался.

«Пойди, пойди, потанцуешь, дамъ тебѣ на орѣхн, барышню какую угостишь». ухмыльнулся онъ.

— Не гоже мнѣ... тихо прошепталъ Вуйцикъ, я тутъ буду...

«Да отчего «не гоже?» Что жъ ты монахъ, что ли? А, можетъ, зазноба есть дома какая, все о ней, небось, думаешь, а?»

Вуйцикъ зардѣлся краской стыда и, скромно потупившись, тихо отвѣтилъ:

— Такъ точно...

«А-а-а!» протянулъ ротный. «вотъ оно что-о! Ну, расскажи-жъ мнѣ: красивая она? богатая? а?»

— Не бардазъ бѣгата, а минѣ красива... заговорилъ Вуйцикъ веселѣе и нѣжное. свѣтлое воспоминаніе озарило его лицо. Никто до настоящей минуты за девять мѣсяцевъ службы Вуйцика не говорилъ съ нимъ объ этомъ щекоотливомъ предметѣ, никто не интересовался его думами, очевидно на этомъ сосредоточенными, никто не обратилъ вниманія на то, что среди писемъ, получаемыхъ имъ съ родины, были съ мелкимъ, тщательнымъ женскимъ почеркомъ адреса, съ приложеніемъ въ сложенномъ листѣ цвѣточка, иногда маленькаго крестика, чаще какой-нибудь картинки. Все это хранилось въ глубинѣ сундучка Вуйцика и составляло тайну его души и сердца. И вотъ въ первый разъ послѣ долгой разлуки «съ ней», съ Вуйцикомъ заговорили, тронули его тайну, тронули самую живую, самую больную струну его души. Вуйцику стало и жаль своей тайны, и обидно за то, что къ ней прикоснулись, и радостно, что явился живой человѣкъ, которому онъ можетъ сказать слово о любимомъ предметѣ. А ротный продолжалъ:

«Ну, ну, расскажи, расскажи мнѣ про свою барышню, что-жъ она невѣста тебѣ, что ли?»

— Такъ точно... Кохана моя...

«Красивая, говоримъ? Чернявая? А?»

— Бѣлая, Ваше Высокоблагородіе, улыбнулся Вуйцикъ широко, искренней, добродушной улыбкой, такой улыбкой, которой онъ самъ испугался.

«Что-жъ, она пишеть тебѣ?»

— Такъ точно, Ваше Высокоблагородіе, передъ лагеремъ письмо прислала...

«Что-жъ, здорова? Ждетъ тебя?»

— Такъ точно. Въ отпускъ бы мнѣ осенью... боязливо проговорилъ Вуйцикъ.

«Ну, ну, вотъ старайся, послѣ лагеря посмотримъ», сказалъ ротный и поднялся со скамейки.

Разговоръ съ ротнымъ больше не возобновлялся, но онъ оставилъ глубокое впечатлѣніе въ душѣ Вуйцика. Внѣшнимъ выраженіемъ этого впечатлѣнія явилась удвоившаяся энергія, съ которой Вуйцикъ сталъ исполнять свои обязанности; кромѣ того, его всегда до того грустные глаза, похожіе на глаза газели, стали свѣтиться блескомъ внутренняго возбужденія и ожиданія чего-то радостнаго. вмѣстѣ съ тѣмъ земляки стали замѣчать, что Вуйцикъ больше недоѣдалъ хлѣба, сахару, отказывалъ себѣ въ самыхъ скромныхъ требованіяхъ и почти не курилъ. Одному изъ своихъ односельчанъ Вуйцикъ какъ-то признался:

— Пенензы нужно, бо въ отпускъ поѣду, сказывалъ ротный...

Кончили маневры и полкъ возвратился на зимнія квартиры. Послѣ маневровъ Вуйцикъ принесъ три рубля, полученные имъ отъ ротнаго командира за услуги, а еще черезъ недѣлю положилъ на сберегательную книжку пять рублей. Денегъ этихъ было, конечно, мало, но такъ какъ возможность поѣхать представлялась только во второй половинѣ октября, то Вуйцикъ рассчиталъ, что жалованье, недоѣдъ и продажа собственнаго новобранческаго костюма съ избыткомъ оплатятъ его расходы по поѣздкѣ. Судьба какъ будто шла навстрѣчу ему. Командиру полка понадобились рабочіе для переноски мебели на новую квартиру, и онъ какъ-то сказалъ командиру 11-й роты:

— Пришлите мнѣ завтра человекъ 10 людей на квартиру, но не очень только слабыхъ и не глухихъ...

Вуйцикъ попалъ въ число 10-ти счастливыхъ и заработалъ 1 р. 50 к., которые немедленно присоединилъ къ положеннымъ въ кассу.

Въ это время произошло еще одно обстоятельство, которое чуть было не перевернуло всю жизнь Вуйцика. Дѣло въ томъ, что ротному командиру нуженъ былъ деньщикъ на замѣну прежняго, подлежавшаго увольненію въ запасъ въ ноябрѣ.

Онъ совсѣмъ было уже остановилъ свой выборъ на Вуйцикѣ, но послѣдній съ такой мольбой взглянулъ на ротнаго командира, что тотъ невольно спросилъ:

«Можетъ, не хочешь, а?»

— Въ отпускъ, сказывали, пустите... отвѣтитъ Вуйцикъ.

«Ахъ, да, въ отпускъ собираешься»... вспомнилъ ротный; «а что-жъ», наклонился онъ къ уху Вуйцика—«ждутъ тамъ, а?»

— Такъ точно, густо покраснѣлъ послѣдній.

Взводный, узнавъ, что предполагавшійся кандидатъ въ день-

щики изъ его взвода уклонился отъ столь лестнаго предложенія и такимъ образомъ яко бы уронилъ марку взвода, сказалъ ему съ укоризной:

«Ты что-жь не захотѣлъ въ деньщики-то? Вѣдь, ротный самъ тебя выбралъ, а ты сейчасъ—въ отпускъ! Въ отпускъ, вишь, ему загорѣлось! Что у тебя тамъ горить что-ли? Въ отпускъ! Изъ цѣлаго взвода тебя выбрали, изъ всей роты, а ты—въ отпускъ!» Вуйчикъ покорно выслушалъ упреки взводнаго, и въ душѣ его чувства какъ бы раздвоились—между желаніемъ отпуска и стыдомъ какъ будто дурно исполненнаго долга службы. Къ этому еще присоединился страхъ, что въ ротѣ и взводѣ на него стануть смотрѣть весьма косо, потому что ротный командиръ, испытавъ его во время маневровъ, остановилъ затѣмъ на немъ свой выборъ, которымъ онъ, Вуйчикъ, яко бы пренебрегъ. И Вуйчикъ сталъ еще грустнѣе, а къ тому же и письма отъ невѣсты совсѣмъ перестали тѣмъ временемъ получаться.

Послѣднее обстоятельство онъ легко себѣ объяснилъ тѣмъ, что она ждетъ его прїѣзда, о чемъ онъ писалъ. Однако, когда прошла еще недѣля и письма опять не было, Вуйчикъ встрѣвожился и рѣшилъ написать снова. На второе письмо отвѣта не послѣдовало: Вуйчикъ аккуратно наводилъ справки въ ротной канцеляріи, просилъ дежурныхъ по ротѣ разузнать, не затерялось ли письмо въ канцеляріи полка и нетерпѣливо ожидалъ каждый день вечерней почты; но письма не приходило. Тревога Вуйчика приняла дурной оборотъ для него: онъ почти не ѣлъ, худѣлъ съ каждымъ днемъ, становился разсѣяннымъ, а послѣднее обстоятельство было причиною нѣсколькихъ незначительныхъ служебныхъ несправностей, по поводу которыхъ, однако, взводный нашелъ только нужнымъ замѣтить:

«Что-й-то, Вуйчикъ, сталъ ты какой шальной? Больно ужъ много объ отпускѣ, вѣрно, думаешь, а службу-то забываешь... ужъ какой тамъ отпускъ теперь!»

Вуйчика уже мало огорчала такого рода бесѣда взводнаго; онъ весь былъ погруженъ въ свою заботу и, лихорадочно перечитывая послѣднія письма, искалъ въ нихъ намека на возможные причины молчанія своей «коханы».

Вечеромъ получилось письмо отъ родныхъ. Вуйчикъ бросился къ своей койкѣ и при тускломъ свѣтѣ висячей лампы сталъ его жадно читать. Писала сестра и если бы кто-нибудь могъ наблюдать Вуйчика со стороны, то онъ увидѣлъ бы чрезвычайно тяже-

люю картину. Сжавъ судорожно лѣвый глазъ, Вуйцикъ тихо рыдалъ. Землякъ, сосѣдь по койкѣ, сочувственно подошелъ къ нему и подсѣлъ на сундучекъ, но Вуйцикъ, уткнувшись въ подушку, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, не поднимая головы. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа стали строиться на повѣрку. Шатаясь и наскоро вытирая распухшіе глаза, Вуйцикъ сталъ на свое мѣсто и, не крестясь, молча, слушалъ молитву. Обычно послѣ этого, онъ шелъ чистить сапоги и амуницію къ слѣдующему дню, протиралъ винтовку, умывался, но сегодня—быстро раздѣлся и легъ подъ одѣяло. Спать онъ не могъ. Думы одна тяжелѣе другой давили его сердце, терзали больную душу. Вуйцикъ метался на койкѣ, какъ въ бреду, тихонько сползалъ на полъ, боясь быть замѣченнымъ полусоннымъ дневальнымъ, становился на колѣни и, припавъ къ полу мокрымъ холоднымъ лбомъ, горячо молился. Потомъ онъ снова ложился, но сонъ бѣжалъ отъ него. Только къ утру онъ забылся на какой-нибудь часъ и при первомъ же окрикѣ дежурнаго по ротѣ вскочилъ и сталъ одѣваться. Вуйцикъ хорошо не помнилъ, какъ прошло утро, занятія; помнилъ только, какъ онъ прямо подошелъ къ ротному командиру, когда тотъ выходилъ уже изъ казармы, и сказалъ:

— Ваше Высокоблагородіе, дозвольте минѣ ѣхать въ отпускъ, на что ротный отвѣтилъ:

«Подожди, больше двухъ человекъ я отпустить не имѣю права; товарищи твои скоро пріѣдутъ и тогда поѣдешь, а теперь не могу».

— Дозвольте, Ваше Высокоблагородіе! попытался Вуйцикъ еще разъ. Онъ даже, неожиданно для себя, вышелъ изъ границъ привычной ему воинской выправки и умоляюще сложилъ руки на груди. Была суббота; ротный командиръ торопился въ канцелярію, былъ чѣмъ-то занятъ, да и настойчивость Вуйцика показалась ему странной и потому онъ нѣсколько сердито отрѣзалъ:

«Не лѣзь! Сказалъ—не могу! А будешь лѣзть—совсѣмъ не поѣдешь! Что у тебя такое за спѣхъ?»

— Я, Ваше Высокоблагородіе, письмо получилъ...

«Что, невѣста ждетъ? а?»

— Не ждетъ, Ваше Высокоблагородіе, бо замужъ собирается... глаза Вуйцика наполнились слезами, онъ весь дрожалъ.

«Ну-у-у», протянулъ ротный, «это, братъ, еще не бѣда, ты парень молодой, другую найдешь, ступай, ступай, придетъ время—поѣдешь».

Вуйцикомъ овладѣло отчаяніе. Онъ не зналъ, куда ему еще кинуться, чтобы его поняли, чтобы вопль его души нашелъ живой откликъ въ чьемъ-либо сердцѣ! Но холодно было вокругъ. Ломая руки и опустивъ голову, поплелся Вуйцикъ въ казарму.

«Что-й-то, Вуйцикъ, забылъ порядокъ, встрѣтилъ его взводный, не по командѣ лѣзешь, прямо къ ротному! гдѣ-жь это видано? Это ужъ никакъ теперь невозможно безъ взысканія».

Вуйцикъ ничего не отвѣтилъ.

Прошли еще двѣ недѣли, и Вуйцикъ получилъ второе пасьмо. Оно уже не вызвало съ его стороны такихъ рыданій, какъ первое; скорѣе тупое выраженіе приняло лицо Вуйцика. Онъ долго, долго смотрѣлъ въ одну точку, потомъ досталъ необходимыя принадлежности и сталъ писать. Писалъ онъ также долго, потомъ, запечатавъ конвертъ, принялся за второе письмо, которое было уже значительно короче и не занимало болѣе полулиста. Затѣмъ онъ отпросился у дежурнаго выйти на $\frac{1}{4}$ часа со двора и самъ бросилъ письма въ почтовый ящикъ; вернувшись къ своей койкѣ, Вуйцикъ до самаго вечера рылся въ сундучкѣ. Временами онъ оглядывался и, замѣтивъ, что никто не обращаетъ на него вниманія, низко-низко нагибался къ сундучку и оставался въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ; потомъ снова озирался, доставалъ «скаплишъ», смотрѣлъ на него и крестился маленькимъ, еле замѣтнымъ крестомъ.

Если бы сундучекъ могъ говорить, онъ многое могъ бы рассказать о чемъ думалъ Вуйцикъ, о чемъ скорбѣла его простая, хорошая, любящая душа, о чемъ онъ молился. Но сундучекъ молчалъ, молчалъ и Вуйцикъ, а живые люди, поглощенные своими заботами, проходили мимо совершавшейся рядомъ съ ними тяжелой драмы.

Былъ одинъ человекъ, который толкалъ этихъ живыхъ людей на то, чтобы они ближе подошли къ душѣ Вуйцика, но онъ былъ далекъ отъ него. Это былъ командиръ полка, который на дняхъ только, послѣ сообщенія въ офицерскомъ собраніи, такъ комментировалъ заключительныя слова лектора:

— Да, господа; нашъ уважаемый товарищъ правъ: нынче, при короткомъ срокѣ службы солдата, надо ближе подходить къ нему; отбывать служебные часы—это значитъ почти ничего не сдѣлать! Повѣрьте моей старости и опыту, что солдатъ оцѣнитъ васъ, если вы сумѣете стать ему другомъ, оставаясь начальникомъ, сумѣете слиться съ нимъ сердцемъ, сумѣете, такъ сказать, прочитать его душу, какъ открытую книгу.

Когда разводящій 3-й смѣны прибѣжалъ, задыхаясь, на постъ № 5-й, онъ засталъ слѣдующее: разбросавъ въ стороны руки и ноги, навзничъ лежалъ Вуйчикъ: лицо его было неузнаваемо: пуля прошла въ ротъ и разнесла ему черепъ. Возлѣ валялась винтовка безъ штыка, а въ коробкѣ ея лежала пустая, маслянистая, еще теплая гильза. Надъ трупомъ стоялъ часовой сосѣдняго поста и неистово подавалъ свистки.

Производившій въ тотъ же день предварительное дознание штабъ-офицеръ показалъ, между прочимъ, командиру 11-й роты письма покойнаго, и тогда только старому капитану ясно стало, почему Вуйчикъ такъ настойчиво просилъ объ отпускѣ и какая драма совершалась въ душѣ его.

Какъ отнеслись къ смерти товарища другіе—мы не знаемъ, но слышали, какъ командиръ 4-го взвода, покачавъ головой и почесавъ гладко выстриженный затылокъ, проговорилъ:

«Вотъ, вѣдь, какой случай! И непременно тебѣ въ нашемъ взводѣ!»

Въ предпоследнемъ письмѣ сестра Вуйчика сообщала, что его невѣста выходитъ замужъ за ихъ сосѣда слесаря, а второе письмо извѣщало, что «кохана» уже обвѣнчалась съ нимъ въ костелѣ ближайшаго фольварка.

Б. Б.

